

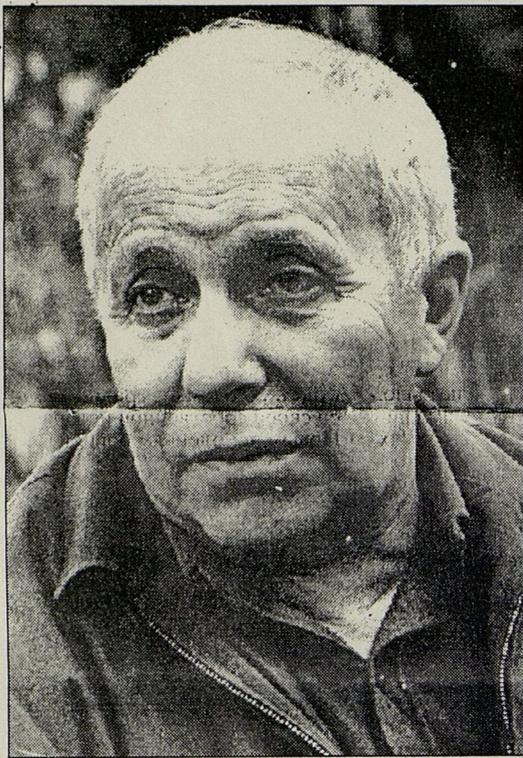
Не забывай меня, Москва моя...

Лит. газета. - 1998 - 23 сент. - с. 10

Недавно в России вышли два новых сборника Александра Межирова, и вот - новые стихотворения. Еще и далеко не все вместились в эту подборку... Стихов в заочной жизни Межировым написано (и переписано) немало, только письма его редки. Впрочем, так было всегда. Однако недавно я получил от Александра Петровича письмо, в котором о новых стихах сказано словами Георгия Адамовича, что, мол, это не стихи, а так - "пламенение по инерции".

Что касается инерции... В нынешнем бытии Межирова много прошлой, с печалью помянутой жизни, много воспоминаний, все-таки одолевающих возникшую реальность, в которой по-прежнему нет внутреннего благополучия. Если бы стало иначе, не явились бы и стихи. А некоторые из них, конечно, принадлежат к числу лучших у поэта. Что кажется удивительным: ведь Александру Петровичу исполняется 75 лет. Думаю, впрочем, он предпочтет не заметить этой даты, как не замечал и предыдущих, строго уклоняясь от наград и похвал.

Стихи о дряхлости не свидетельствуют. Автор и в юности был очень умен, и в пожилые годы умом не ослабел. Самое же главное - способность глубоко чувствовать и беспощадно разбираться в чувствах. И если это не утрачено, остается вспомнить слова Бунина, утверждавшего, что был моложе, но не сердцем, нет, не сердцем.

За годы отсутствия поэта в его стране мы прожили геологические периоды и обрели наконец болезненный исторический опыт. Но понятно, что и поэту пришлось хлебнуть из тамошней горькой чашки. О многом лишь догадываемся, но в самих стихах достаточно проговорок. К несчастью, Александр Петрович теряет зрение, об этом - первое (и печальнейшее) стихотворение цикла. Не будь этих откровенных стихов, я не коснулся бы такой темы. Но и по телефону мне было сказано: "Не вижу номеров на бильярдных шарах!" Кто, кроме Межирова, мог бы сказать о своей беде в такой форме! Он остался игроком, но - в высоком смысле, предполагающем неиссякаемую веру в чудо. От этой веры недалеко до надежды на "счастливыи" исход для всех близких, для всего близкого. В новой обстановке Межиров сохранил верность своим ритмам и своим темам. И мы, его читатели, попробуем сохранить верность поэту, одно четверостишие которого меня просто потрясает:

*Оказия случится, поспеши,
Чтобы письмо упало не в могилу.
Пошли негодование - от души,
А также одобренье - через силу.
И вот - мое позднее признание в давней любви. Или, если угодно, "одобренье", но нет - не через силу.*

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Александр МЕЖИРОВ

Африканист

Ничего не случилось. Слеп.
Ослепительной Африки след

В милосердных посольствах очки,
Зачерненные, даром давали,
Побережья рекомендовали.
Но советам благим вопреки
Тотчас он забывал о совете,
Прохудилась ретина, как сети.
Но не в черном увидел он свете
Солнце Африки черной своей
Офтальмологи госпиталей,
Лазер, холод сетчатку догрызли -
И в прямом, окончательном смысле
Он ослеп. Но его не жалей.
Он в последней ночной тишине
Всё диктует любимой жене,
Посох рифмы сжимая упорный, -
Стих последний, не белый, а черный.

Казалось, жизнь в буфетах профуфукал,
В портовых барах вызубрил меню
И докатился наконец до кукол,
Напяливаемых на пятерню.
Казалось, жизнь то в том, то в этом
доме,
Под сенью книг, знакомых лишь едва,
Провел, векая и не экономя
Свои-чужие мысли и слова, -
И постоянно ощущал при этом,
Что, даже наплевав на все дела,
Усильем воли овладеть рефетом*
Нельзя, какой бы воля ни была, -
Но можно рыть колодезь что есть
силы
И докопаться если не до жили,
То обнаружить заповедный клад,
Зарытый кем-то двести лет назад,
Он двести лет лежал в земных
глубинах,
На сто голов положен воробьиных
В земных глубинах,
В приполярный хлад.

А кто он был? Он был врожденный
гений
Контактности, взаимоотношений
И в то же время тайный раб сомнений,
И погубил жену, и пил вино,
И полуэмигрировал давно
Не за кордон, а в Приполярье,
в Север,
Где кое-как пахал и что-то сеял.
И выборочно хаял, и кадил,
И злобой в мемуарах исходил.

Зато взаимоотношенья делом
Поставил и в контактах разумел, -
И в результате над безгласным
телом

Салют артиллерийский прогремел,
И эхо над его могилой свежей
Ответствовало гулко на салют,

Где в суверенных скалах побережий
Североморы инвестиций ждут.

*Особый карточный расчет.

Александр Биргеру

В 41-м, в лесах Первоиюну,
Привели "языка" на поляну,
Чтобы он успокоиться мог.
Там разведчики славные наши
В котелок с концентратами каши
Затолкали крутой кипяток.

А "язык", словно это отравы
Или просто игра и забава,
Сапогом, по-футбольному, справа,
Залепил котелок в потолок.

И поэтому прямо на каше,
Что успела опасть с потолка,
Был застрелен. Разведчики наши
Упредили и суд и срока.

Мертвый пляж. Развороченный берег.
Между дюнами признаки льда.
Этот абверовский офицерик
Вышел к лесу, а шел не сюда
И пришел неизвестно откуда,
Чтоб накликасть заместо суда
На себя беспредел самосуда.

Слабый волос его жидковат.
Странный запах. Видать, препарат,
Регулярным составленным бытом,
Незакомым, а может, забытым.
Дай Бог память. Но память груба.
Мы уже ничего не изменим.
Заводь моря. Кривая губа.
Берег в инее позднеосеннем.
И в землянке сухая пальба.
Странный запах борьбы с облысеньем
Над пустыней арийского лба.
6.7.98. Портленд (Западный)

На станцию иду сквозь паутину,
Сквозь бабье лето, рыжину и ржу.
Остановилось и папиросы выну.
Подумаю. Обратно положу.

И на ците у старого колодца
Читаю объявление о том,
Что сруб четырехстенный продается
И на зиму сдается теплый дом.

Такая осень тихая. Ни звука,
Лишь от костров, где листья жгли, зола.
Смерть не страшна. Но с близкими разлука,
Как на могиле камень, тяжела.

Опять начнется разговор: - А если
В Содоме сорок праведников есть,
Допустить ли, чтоб все они исчезли,
Не дашь до этой станции добреть...

Он принял правила игры
В чужезычной, современной

Поэзии с отверстой веной
Для наркотической изгры.

И внешняя непростота,
Мешая выразиться чуду,
Непроницаемо густа,
Как заросли, взошла повсюду.

Он мог ее преодолеть,
Нарушив принятые правила,
И к ним не возвращаться впредь, -
Но время правилами правило.

Значительное, скорбное лицо,
Витое прибалтийское кольцо
Из белого какого-то металла.
Такой была она, когда меня
На скользком склоне мартовского дня
В другое полушарье провожала.

Там север был на параллели юга
И все ходили книзу головой,
Не признавая и стыдясь друг друга
Под бременем поруки круговой.
(В пустыне сорок лет с небесной
манной

Прошли не без следа, -
И страх перед Землей Обетованной
Остался навсегда.)

На скользком склоне наших дней
и лет
За старым умирающим поэтом
Ты все-таки отправилась вослед
И пожалела, может быть, об этом.

Ты беспокойно спишь и чьи-то имена
С надрывом повторяешь, и меня
По имени зовешь. Ты нездорова.
И родина твоя опять больна,
И обе вы без дома и без крова.

Но кровь сильнее, чем кров, и матери
твоей
Навек подарена
Сухая тень кладбищенских ветвей,
Сосна Самарина.

В закрытом небе снег почти стоит,
И неподвижно самолет летит
К скудельнице, где твой отец лежит
В льюткаринском холодном глиноземе,
В своем последнем доме,
Под спудом самородных, мелких плит.

Не забывай меня, Москва моя...
Зимой в Нью-Йорке проживаю я,
А летом в Орегоне, где сухие
Дожди, дожди. И океан сухой,
А в Портленде и климат неплохой,
Почти как в средней полосе России.

Оказия случится, поспеши,
Чтобы письмо упало не в могилу.
Пошли негодование - от души,
А также одобренье - через силу.